

№ 1
(161)

В Москве

Проза

Бог с большой буквы

Моей правде - 1999 - 21.01.99 - С.Т.

Сегоднешний книжный рынок не знает никаких ограничений. Сочиняются всевозможные римейки, цензоры, дописываются посредственными мастерами великие романы, даже такие, как «Война и мир» Льва Толстого. В глянцевого, ослепительно нарядной упаковке часто предлагаются «тексты», созданные бригадным способом.

Многие торопящиеся на рынок и в Интернет писатели понятие «литература»; «произведение», «роман» заменили техническим понятием «текст».

В этих условиях повышается роль индивидуальности. Вацлав Михальский, остросюжетная и лирическая проза которого хорошо известна старшему поколению читателей, издал большую книгу «Избранное». Первое издание большой книги, осуществленное в 1996 году, быстро разошлось, это повторение.

«Избранное», изданное один раз, - удача; «Избранное», изданное второй раз, - классика. В литературном процессе этот качественный скачок происходит порой вот так неожиданно.

В одностомнике вошли: романы «17 летних сапог», «Тайные милости», повесть «Катенька» и несколько маленьких рассказов, подлинных шедевров русской литературы 1960 - 1980 годов.

Среди тех, кто верно оценил и активно поддерживал в трудные годы Вацлава Михальского, был большой мастер советской литературы Валентин Катаев. Он писал об авторе тогда еще небольших книг, изданных в «Советском писателе»: «У него верный глаз, острый аналитический ум. Он прекрасно владеет словом и знает ему цену».

Есть у Вацлава Михальского рассказ «Старуха». Жила в затерянной деревне крестьянка. Летом приезжали дачники. А зимой старуха оставалась в деревне одна. И тогда она начинала протоптывать в снегу тропинки между домами, как будто соседи ходят друг к другу в гости.

А потом старуха умерла, дорожки в ту же ночь занесло снегом. И далее следует фраза:

«Наутро взглянул с небес Господь, увидел, что нет дорожек, и забыл эту деревню».

Рассказ был написан в годы, когда слова «Бог», «Господь» писали с маленькой буквы. Корректоры, редакторы, цензоры тут же натащили перья, чтобы исправить «ошибку», прибить слова к земле. Но при этом терялась высота неба над этой забытой деревней, умаялась

поэтическая, библейская сила образа. Зная цену слову, Вацлав Михальский не уступал. И в застойные, атеистические времена слово «Господь» было напечатано в его книге с большой буквы.

В другом, таком же пронзительно печальном рассказе «Сосед» речь идет о таких же простых, совсем обыденных вещах. Заболел старик, у которого никого нет, кроме соседей. Герой рассказа, молодой сосед, пришел в больницу навестить старика. Он говорил о том, что интересно ему, молодому. А старик все молчал. И лишь уходя в палату, сказал:

- Только теперь, в больни-

тайными милостями. А там, на море, случилось несчастье - женщина погибла. Ему предлагают ее тайно похоронить, но герой романа, который скрывал свою связь, не может после смерти предать любимую женщину. Он открыто везет ее в город, разрушая свою семью, свою карьеру. Ставит ей памятник. Наверное, есть Бог с большой буквы и в душе у грешников. Но часто человек не знает об этом, пока не случится великая любовь или великое горе, или то и другое вместе.

Особое чувство вины автор испытывал, видимо, при написании рассказа «Дед Лейбо». Этот рассказ о тихой жизни старого еврея. В передаче своими

словами многое теряется, но, думаю, и в голом сюжете сохраняется часть энергии рассказа. Эвакуированный из Киева старый еврей жил в глинобитной заваляшке с окном в потолок. Подлый мальчишка забирался на плоскую крышу, мяукал, светил фонариком через окошко в потолок в лицо спящему старику. Тому казалось, что опять бомбят Киев. Рассказ ведется от имени подлого мальчишки, ставшего писателем. Они встретились через двадцать лет. Дед Лейбо по-прежнему торговал всякой рухлядью на базаре. Он получал пенсию за младшего сына, погибшего на фронте, 19 рублей. А тут выяснилось, что старший сын, считавшийся без вести пропавшим, тоже погиб смертью храбрых. И поскольку старший сын был офицером, за него полагалась пенсия уже не 19 рублей, а 60. В военкомате сказали: подавай в суд, получишь разницу за 30 лет. Дед Лейбо по-

просил бывшего «подлого мальчишка» подсчитать, сколько это будет. Получилась огромная сумма. Новый дом можно было купить. Но Дед Лейбо засомневался:

- Нет, нет, как же я... Левко меня всю жизнь кормил, как же я его теперь... предаю! Нет!

Должно быть, еврейский Бог с большой буквы помешал ему память о сыновьях превратить в сделку, добиваться пенсии за старшего сына, более выгодной в денежном выражении.

«Так и не стал судиться «за разницу» дед Лейбо, о котором не только в нашем дворе, но всей округе каждый знал, что он «удушится за копейку».

«Избранное» Вацлава Михальского пронизано высоким чувством вины, совестливым отношением к жизни. Этого там не хватает нам сегодня.

Эдуард ПАШНЕВ